

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.922.7

Сравнительный анализ показателей модели психического у детей раннего возраста в домах ребенка с различным социально-эмоциональным окружением и биологических семьях*

Р. Ж. Мухамедрахимов¹, Е. А. Сергиенко²,
Д. И. Черного^{1a}, Е. В. Шабалина¹,
Д. И. Кагарманов¹, О. И. Пальмов¹, И. А. Аринцина¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Институт психологии РАН,
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Для цитирования: Мухамедрахимов Р. Ж., Сергиенко Е. А., Черного Д. И., Шабалина Е. В., Кагарманов Д. И., Пальмов О. И., Аринцина И. А. Сравнительный анализ показателей модели психического у детей раннего возраста в домах ребенка с различным социально-эмоциональным окружением и биологических семьях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 2. С. 186–197. EDN FIBQBZ

Настоящая работа направлена на исследование понимания детьми ментального мира в зависимости от их социально-эмоционального окружения. Цель работы заключалась в сравнительном изучении уровневых значений модели психического у детей, воспитывавшихся в домах ребенка с различными характеристиками окружения, и без опыта институционализации, проживавших в биологических семьях. Участниками исследования были дети без влияющих на развитие медицинских и биологических факторов риска из социально-эмоционально депривационных условий дома ребенка, работавшего без изменений ($n = 49$ (21 мальчик) в возрасте $M (SD) = 26,0(10,84)$ мес., от 12 до 49 мес.); из дома ребенка после программы только обучения, направленной на повышение чувствительности/отзывчивости персонала ($n = 45$ (23), 18,7(9,12), 11–50 мес.); из дома ребенка после программы обучения в сочетании со структурны-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00626; <https://rscf.ru/project/22-28-00626/>.

^a Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

ми изменениями, направленными на повышение стабильности/постоянства ухаживающих взрослых ($n = 82$ (37), 23,9(12,92), 3–50 мес.), и дети из биологических семей ($n = 48$ (28), 27,0(10,16), 12–49 мес.) с постоянным близким взрослым в лице матери. Для оценки модели психического использовались показатели, выделенные из раздела личностно-социального развития метода BDI (Battelle Developmental Inventory). В результате исследования обнаружено, что в возрастном диапазоне от 12 до 24 месяцев наблюдается различие уровневых значений модели психического детей в зависимости от особенностей окружения ($p = 0,034$) с меньшим значением у детей из дома ребенка без изменений по сравнению с детьми из биологических семей ($p = 0,04$). Результаты исследования обсуждаются с точки зрения роли характеристик социально-эмоционального окружения в понимании ментального мира детьми раннего возраста, а также в связи с особенностями структуры связей показателей модели психического у детей в депривационных условиях институционализации.

Ключевые слова: модель психического, дети, ранний возраст, дом ребенка, социально-эмоциональное окружение, депривация, чувствительность, стабильность, биологическая семья.

Введение

Социальные факторы развития понимания детьми ментального мира являются предметом пристального внимания исследователей со времени начала изучения этой психологической области (Сергиенко и др., 2020). Анализ литературы свидетельствует, что изучение влияющих на становление модели психического характеристик окружения проводилось в основном в сравнительных исследованиях детей, проживающих в семьях с различающимися демографическими, экономическими и социально-психологическими показателями. В этих работах было определено, что факторами, в той или иной мере влияющими на различные аспекты модели психического, являются социально-экономический статус семьи (Hughes, Devine, 2016; Selcuk et al., 2018), ее размер (количество братьев и сестер) (McAlister, Peterson, 2013), образование и профессиональный статус матерей, профессиональные достижения отцов (Cutting, Dunn, 1999), стиль родительского воспитания, поясняющие разговоры родителей, их склонность к описанию психических состояний и чувствительность к внутреннему миру ребенка (Hughes, Devine, 2016), вовлеченность детей в общение (Selcuk, Yucel, 2017), тип привязанности ребенка (Szpak, Bialecka-Pickul, 2020). Было показано, что проявление в семье насилия и жестокого обращения приводит к задержке развития модели психического (Cicchetti et al., 2003) и в целом снижению социального понимания у детей (Luke, Banerjee, 2013).

Исследования понимания ментального мира у детей с опытом пребывания в сиротских организациях немногочисленны и представлены работами, изучавшими детей как после перевода из институциональных в семейные условия проживания, так и во время институционализации. Было показано, что дети из сиротских учреждений имели более низкий уровень становления модели психического по сравнению со сверстниками из семей, в том числе с низким социально-экономическим статусом (Selcuk, Yucel, 2017). При этом наиболее значимыми предикторами дефицита модели психического были возраст детей, уровень восприятия речи и соотношение числа детей к числу ухаживающих взрослых. В период после принятия в семью усыновителей выраженность дефицита понимания ментального мира была связана с длительностью проживания детей в условиях институционализации (Tarullo et al.,

2007; Colvert et al., 2008; Rutter et al., 2010; Сергиенко, 2015). Данные сравнительного исследования структуры связей показателей модели психического у детей раннего возраста свидетельствуют о значительных сложностях становления комплексной модели психического у детей, воспитывающихся в социально-эмоционально де-привационных условиях дома ребенка, по сравнению с детьми без опыта институционализации, проживавших в семьях биологических родителей (Мухамедрахимов и др., 2022а). Было обнаружено, что структура модели психического у детей в домах ребенка отражает специфические особенности качества их институционального социально-эмоционального окружения (Мухамедрахимов и др., 2022б).

Таким образом, в научной литературе имеются данные о роли социального окружения в развитии понимания детьми ментального мира, о влиянии социально-экономических и социально-психологических факторов семьи на становление модели психического, о дефицитах уровневых значений аспектов модели психического у детей с опытом институционализации при отражении уже в раннем возрасте в структуре модели психического детей особенностей их окружения. При этом литературные данные не отвечают на исследовательский вопрос о том, в какой мере различия специфических характеристик социально-эмоционального окружения влияют на уровневые значения модели психического у детей раннего возраста. Возможность изучения этого вопроса появилась в результате реализации международных проектов, проведенных на базе домов ребенка Санкт-Петербурга, направленных на исследование влияния изменения окружения на развитие детей и последующее их прослеживание после перевода в отечественные замещающие семьи (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008; McCall et al., 2019; Мухамедрахимов, 2023). Ранее при использовании базы данных этих проектов было проведено сравнительное исследование структуры связей показателей модели психического у детей в зависимости от специфических характеристик социально-эмоционального окружения в домах ребенка (Мухамедрахимов и др., 2022б). Цель настоящей работы заключалась в изучении модели психического у детей раннего возраста, воспитывавшихся в домах ребенка с различными характеристиками социально-эмоционального окружения, и без опыта институционализации, проживавших в семьях биологических родителей. Основной задачей исследования было определение и сравнение значений модели психического у детей из трех домов ребенка с различными, в результате участия в проектах, характеристиками социально-эмоционального окружения, а также у детей в семейном окружении с постоянным близким взрослым в лице матери и ее родительским поведением. Исходя из имеющихся научных данных была выдвинута общая гипотеза о значимой роли социально-эмоционального окружения в становлении модели психического у детей раннего возраста, и предположено, что значение показателя модели психического у детей, проживающих в депривационных условиях дома ребенка, ниже, чем у детей без опыта институционализации, воспитывающихся в семьях.

Метод

Участники исследования. Выборку исследования составили 224 ребенка (из них 109 мальчиков) в возрасте $M(SD) = 24,0(11,51)$ мес. без влияющих на развитие медицинских и биологических факторов риска, из которых 48 (28 мальчиков)

проживали в биологических семьях (БС) (27,0(10,16), от 12 до 49 мес.) и 176 (81 мальчик) — в трех различных по окружению домах ребенка (ДР) Санкт-Петербурга. На время проведения обследования условия проживания в ДР характеризовались адекватным медицинским уходом, санитарно-гигиеническими условиями и питанием, однако отличались характеристиками окружения детей (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008). Один ДР работал без изменений (БИ; 49 детей (21 мальчик) в возрасте 26,0(10,84), от 12 до 49 мес.) и отличался социально-эмоционально депривационными условиями, связанными с большими по числу и однородными по возрасту и уровню развития группами детей, посменной работой группового персонала без наличия сотрудников, выделенных для выполнения роли близких для детей взрослых, и частой сменой окружения в связи с переводом детей из группы в группу. В другом была проведена программа только обучения (ДР ТО; 45 (23 мальчика); 18,7(9,12), от 11 до 50 мес.), направленная на повышение чувствительности/отзывчивости персонала. В третьем — реализована программа обучения в сочетании со структурными изменениями (ДР О + СИ; 82 (37 мальчиков); 23,9(12,92), 3–50 мес.), направленными на повышение стабильности/постоянства окружения детей: снижение числа детей и персонала в группе, выделение близких взрослых с увеличением времени работы в группе, интеграция детей по возрасту и уровню развития, прекращение их перевода из группы в группу (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008).

Методика исследования. Для оценки показателей модели психического использовались пункты раздела личностно-социального развития метода BDI (Newborg et al., 1988). Из 85 пунктов этого раздела, оцениваемых по шкале 0 (отсутствие проявлений), 1, 2 (проявление в полной мере), одним из авторов работы (Е. А. С.) были экспертно выделены пункты, соответствующие показателям модели психического, общее число которых после сокращения дублирующих оценку развития показателей и показателей с нулевой дисперсией снизилось до 39 (по подразделам взаимодействия со взрослым, выражения чувств, общего представления о себе, взаимодействия со сверстниками, копинга и социальной роли). В дальнейшем анализе использовалось общее число баллов, полученное ребенком по всем 39 показателям. Применение пунктов раздела личностно-социального развития метода BDI для изучения модели психического ранее было результативно использовано при изучении структуры связей показателей модели психического у детей, проживающих в домах ребенка и биологических семьях (Мухамедрахимов и др., 2022а; Мухамедрахимов и др., 2022б).

Процедура исследования. Обследование детей из БС проводилось во время домашнего визита, детей в ДР — в специально выделенных диагностических комнатах. Во время проведения обследования ребенка сопровождала мать (в БС) или сотрудник, ухаживающий за детьми в группе (в ДР). Обследование детей проводилось специалистами, прошедшими обучение и достигшими 80-процентного совпадения результатов с экспертными оценками и между собой.

Методы анализа данных. Анализ связи общего показателя модели психического с возрастом детей проводился с использованием непараметрического критерия Спирмена г. Анализ показателей модели психического у детей в зависимости от принадлежности к группе (ДР БИ, ДР ТО, ДР О+СИ, БС) проводился с помощью ковариационного анализа (ANCOVA) с ковариатой в виде возраста детей на время

обследования и последующих парных межгрупповых сравнений с корректировкой по критерию Бонферони. Решения о статистической достоверности принимались на 5-процентном уровне значимости. Статистическая обработка проводилась с помощью пакета программного обеспечения SPSS 23.0.

Результаты

На предварительном этапе был проведен анализ общего балла модели психического в зависимости от возраста и пола детей как из ДР, так и из БС. Для всех групп обнаружена значимая положительная связь общего балла модели психического с возрастом ($0,769 < r < 0,837$; $p < 0,01$) и отсутствие значимых изменений в связи с полом детей ($F(1, 43-80) = 0,158 - 2,349$; $0,132 < p < 0,693$, $\eta^2 = 0,004 - 0,049$). Последующий анализ проводился в объединенной группе мальчиков и девочек с использованием, для исключения влияния возраста на результаты межгруппового сравнения, возраста в качестве ковариаты, а также отдельно для возрастных диапазонов 12–24 (сокращение детей младенческого возраста из группы ДР О+СИ в связи с представленностью БС, БИ и ТО детьми раннего возраста) и 25–50 мес. Число детей в каждой группе после разделения на возрастные диапазоны, средние значения общего балла модели психического и результаты межгруппового сравнения представлены в таблице.

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют о значимых различиях общего балла модели психического в зависимости от принадлежности к группе (ДР БИ, ДР ТО, ДР О+СИ, БС) у детей в возрасте 12–24 мес. ($F(3, 104) = 2,997$; $p = 0,034$, $\eta^2 = 0,080$) и отсутствии таких различий в возрасте 25–50 мес. ($F(3, 104) = 1,113$; $p = 0,348$, $\eta^2 = 0,035$). Результаты последующего попарного сравнения в возрастном диапазоне 12–24 мес. свидетельствуют о меньшем значении общего балла у детей из ДР БИ по сравнению с БС ($I-J = -6,314$, $SE = 2,281$, $p = 0,04$), и отсутствии значимых различий у детей из ДР О+СИ и ДР ТО, по сравнению с БС.

Таблица. Средние значения (M(SD)) общего балла модели психического, оцененного по показателям метода BDI, в различных группах (ДР БИ, ДР ТО, ДР О+СИ, БС) для детей в возрасте 12–24 и 25–50 мес., а также результаты межгруппового сравнения

Возраст детей на время обследования, мес.	Группа	<i>n</i>	M(SD)	Результаты межгруппового сравнения (I-J)(SE), <i>p</i>
12–24	ДР БИ	24	10,9(10,11)	ДР БИ < БС: (I-J)(SE) = (-6,314)(2,281), <i>p</i> = 0,04; для остальных попарных сравнений <i>p</i> > 0,10
	ДР ТО	36	12,9(8,18)	
	ДР О+СИ	29	14,3(7,60)	
	БС	20	17,8(9,73)	
	В целом	109	13,7(8,95)	
25–50	ДР БИ	25	41,9(24,31)	Для всех попарных сравнений <i>p</i> > 0,10
	ДР ТО	8	43,5(21,88)	
	ДР О+СИ	37	38,5(21,61)	
	БС	28	43,8(19,80)	
	В целом	98	41,3(21,64)	

Обсуждение

Данная работа направлена на сравнительное исследование значений модели психического у детей, воспитывавшихся в ДР с различными характеристиками социально-эмоционального окружения, и без опыта институционализации, проживавших в БС. После проведения контроля возможного влияния на значения модели психического пола и возраста детей полученные результаты свидетельствуют, что в возрастном диапазоне от 12 до 24 месяцев наблюдается значимое различие модели психического детей в зависимости от особенностей их окружения: социально-эмоционально депривационного (в ДР БИ); после проведения программы обучения, направленной на повышение чувствительности/отзывчивости персонала во взаимодействии с детьми (ДР ТО); после реализации программы, сочетающей обучение персонала со структурными изменениями, направленными на повышение стабильности/постоянства социального окружения (ДР О + СИ); а также семейного окружения в виде постоянного близкого взрослого в лице матери и ее родительского поведения (БС). Этот результат соответствует литературным данным, с одной стороны, о влиянии характеристик социального окружения на становление модели психического у детей (Hughes, Devine, 2016; Сергиенко и др., 2020), с другой — о нарушениях когнитивного и социально-эмоционального развития у детей с ранним опытом институциональной депривации, см., например: (Rutter et al., 2010; The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008), в том числе о нарушениях становления модели психического (Selcuk, Yucel, 2017), с третьей — о результативности программы изменения социально-эмоционального окружения детей в домах ребенка, проявляющейся в позитивных изменениях показателей психического (в том числе когнитивного и эмоционального) развития детей (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008).

Полученные данные свидетельствуют о меньшем, в возрастном диапазоне 12–24 месяцев, значениях модели психического у детей, проживавших в депривационных институциональных условиях (ДР БИ), по сравнению со сверстниками из БС, и отсутствии значимых различий во всех других вариантах попарного межгруппового сравнения. Анализ вектора изменений среднегрупповых значений модели психического (см. таблицу) свидетельствует, что по мере повышения качества окружения наблюдается пусть незначимое, но последовательное увеличение модели психического: от 10,9(10,11) баллов при проживании в депривационных условиях ДР БИ (дефицит чувствительности/отзывчивости и стабильности/постоянства ухаживающих за детьми взрослых) до 12,9(8,18) при проживании в ДР после повышения чувствительности/отзывчивости, но без постоянства/стабильности персонала; до 14,3(7,60) в ДР после сочетания повышения чувствительности/отзывчивости и стабильности/постоянства; и до 17,8(9,73) баллов при проживании в условиях БС с постоянным близким взрослым в лице матери и ее родительским поведением. Можно предположить, что в континууме изменяющихся характеристик социального окружения каждая дополнительная приводит к небольшим изменениям уровня модели психического, однако их сочетание, наиболее представленное в семейных условиях проживания, приводит к значимым изменениям модели.

Проявление межгрупповых различий значений модели психического в возрасте от 12 до 24 месяцев, в отличие от 25–50 месяцев, может быть связано

с возможным различием между этими диапазонами возраста поступления детей в дом ребенка и, соответственно, их раннего опыта пребывания в семье. В литературе имеются данные о высокой положительной корреляции возраста детей на время обследования и возраста их поступления в дом ребенка ($r = 0,92$, $p \leq 0,001$; Шабалина, Мухамедрахимов, 2022). Вероятно, дети, обследованные в возрасте 12–24 месяцев, поступили в дом ребенка в основном в младенческом возрасте, то есть при отсутствии или минимальном раннем опыте пребывания в семье, что при проживании в депривационных условиях (ДР БИ) отразилось в отличии модели психического от детей, проживавших в семье (БС). Дети постарше, обследованные в возрасте 25–50 месяцев, при отсутствии влияющих на развитие медицинских и биологических факторов риска, могли поступить в ДР в более позднем возрасте, то есть имели более длительный ранний опыт проживания в семье, что снижает отличие значений их развития от значений у детей, от рождения воспитывающихся в семье.

Сопоставление полученных в настоящем исследовании данных с результатами изучения структуры модели психического у детей в доме ребенка и семьях свидетельствует, что наблюдаемое в депривационном доме ребенка снижение значения модели психического соответствует ранее обнаруженным у детей из этого дома ребенка дефицитам структуры связи ее компонентов. В институциональных условиях (с большими по числу и однородными по возрасту и развитию группами детей, переводами из группы в группу, большим числом меняющегося персонала и без наличия сотрудников, выполняющих роли близких взрослых) у детей не наблюдается выраженной при проживании в семье структуры связей показателей модели психического, сочетающей понимание себя с пониманием взрослого, взаимодействия со сверстниками, чувств по отношению к ним (Мухамедрахимов и др., 2022а), что, соответственно, проявляется в меньшем уровне значении модели психического. Снижение значения модели психического отражает становление понимания ментального мира в заданных для детей депривационных условиях и повышение уровня модели психического, соответствующее повышению комплексности структуры ее компонентов, предполагает улучшение качества социально-эмоционального окружения, направленное на повышение чувствительности/отзывчивости и стабильности/постоянства ухаживающих за детьми близких взрослых.

Ограничения исследования. Результаты исследования не могут распространяться на детей старше исследуемого возраста, детей из групп медицинского и биологического риска нарушений развития, а также на детей с опытом институционализации, принятых в замещающие семьи. К ограничениям данного исследования относится также то, что его результаты получены при использовании для изучения модели психического пунктов личностно-социального раздела метода оценки психического развития детей (BDI, Newborg et al., 1988). Несмотря на то что этот методический подход соответствует разрабатываемому в исследованиях последних лет направлению учета при оценке модели психического информации, проявляющейся в повседневном поведении и социально-эмоциональном взаимодействии детей с другими людьми (Tahiroglu et al., 2014; Уланова, 2021), важно провести сопоставление результатов настоящей работы с данными, полученными при использовании лабораторных методов изучения модели психического.

Выводы

Полученные в исследовании данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Значения модели психического у детей раннего возраста различаются в зависимости от характеристик социально-эмоционального окружения места их проживания.

2. В возрастном диапазоне от 12 до 24 месяцев значение модели психического у детей, воспитывающихся в социально-эмоционально депривационных условиях ДР, ниже, чем у сверстников без опыта институционализации, проживающих в семье биологических родителей.

3. Для полноценного развития модели психического у детей в раннем возрасте необходимы качественные семейные или близкие к семейным условия, что предполагает улучшение характеристик социально-эмоционального окружения в ДР.

Литература

Мухамедрахимов Р.Ж., Кагарманов Д.И., Сергиенко Е.А. Анализ показателей модели психического у детей в биологических семьях и доме ребенка // Сибирский психологический журнал. 2022а. № 85. С. 144–161. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/7>

Мухамедрахимов Р.Ж., Кагарманов Д.И., Сергиенко Е.А. Анализ показателей модели психического у детей в домах ребенка с различным социально-эмоциональным окружением // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022б. Т. 12, вып. 4. С. 398–409. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.401>

Мухамедрахимов Р.Ж. Российско-американские исследования детей с опытом институционализации: влияние качества раннего окружения на психическое здоровье и развитие детей // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, 12–14 октября 2023 г., Москва / под ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова, А. В. Махнач, Г. А. Виленская, Н. Н. Казымова. М.: Ин-т психологии РАН, 2023. С. 302–307.

Сергиенко Е. А. Глава 4. Институционализация и ее последствия для развития социального познания // Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / под ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. С. 120–154.

Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Ин-т психологии РАН, 2020.

Уланова А. Ю. Оценка модели психического: объективные и субъективные показатели // Отчетная сессия Института психологии РАН / ИП РАН. 24 марта 2021. URL: <https://ipran.ru/reports2020/> (дата обращения: 27.08.2024).

Шабалина Е. В., Мухамедрахимов Р. Ж. Взаимосвязь показателей взаимодействия детей и близких взрослых с возрастом и длительностью проживания детей в доме ребенка и замещающих семьях // Сибирский психологический журнал. 2022. № 84. С. 156–168. <https://doi.org/10.17223/17267080/84/9>

Cicchetti D., Rogosch F.A., Maughan A., Toth S. L., Bruce J. False belief understanding in maltreated children // Development and Psychopathology. 2003. No. 15. P. 1067–1091.

Colvert E., Rutter M., Kreppner J., Beckett C., Castle J., Groothues C., Hawkins A., Stevens S., Sonuga-Barke E. J. Do theory of mind and executive function deficits underlie the adverse outcomes associated with profound early deprivation? Findings from the English and Romanian adoptees study // Journal of Abnormal Child Psychology. 2008. No. 36. P. 1057–1068.

Cutting A. L., Dunn J. Theory of mind, emotion understanding, language and family background: Individual differences and interrelations // Child Development. 1999. Vol. 70, no. 4. P. 853–865.

- Hughes C., Devine R.* Family influences on theory of mind: a review // Theory of Mind Development in Context / eds V. Slaughter, M. de Rosnay. London: Taylor & Francis, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315749181>
- Luke N., Banerjee R.* Differentiated associations between childhood maltreatment experiences and social understanding: A meta-analysis and systematic review // Developmental Review. 2013. Vol. 33, no. 1. P. 1–28.
- McAlister A. R., Peterson C. C.* Siblings, theory of mind, and executive functioning in children aged 3–6 years: new longitudinal evidence // Child Development. 2013. No. 8. P. 1442–1458.
- McCall R. B., Groark C. J., Hawk B. N., Julian M. M., Merz E. C., Rosas J. M., Muhamedrahimov R. J., Palmov O. I., Nikiforova N. V.* Early caregiver — child interaction and children's development: Lessons from the St. Petersburg — USA Orphanage Intervention Research Project // Clinical Child and Family Psychology Review. 2019. Vol. 22, no. 2. P. 208–224. <https://doi.org/10.1007/s10567-018-0270-9>
- Newborg J., Stock J. R., Wnek L., Guidubaldi J., Svinicki J.* Battelle Developmental Inventory. Allen: DLM, 1988.
- Rutter M. L., Sonuga-Barke E. J., Castle J. I.* Investigating the impact of early institutional deprivation on development: Background and research strategy of the English and Romanian Adoptees (ERA) study // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2010. Vol. 75, no. 1. P. 1–20.
- Selcuk B., Brink K. A., Ekerim M., Wellman H. M.* Sequence of theory-of-mind acquisition in Turkish children from diverse social backgrounds // Infant and Child Development. 2018. Vol. 27, no. 4. P. 1–14. <https://doi.org/10.1002/icd.2098>
- Selcuk B., Yucel N. M.* The role of institutionalization in theory of mind // Theory of Mind Development in Context / eds V. Slaughter, M. de Rosnay. New York: Routledge, 2017. P. 89–105.
- Szpak M., Bialecka-Pickul M.* Links between attachment and theory of mind in childhood: Meta-analytic review // Social Development. 2020. Vol. 29, no. 3. P. 653–673. <https://doi.org/10.1111/sode.12432>
- Tahiroglu D., Moses L. J., Carlson S. M., Mahy C. E., Olofson E. L., Sabbagh M. A.* The Children's Social Understanding Scale: Construction and validation of a parent-report measure for assessing individual differences in children's theories of mind // Developmental Psychology. 2014. Vol. 50, no. 11. P. 2485–2497.
- Tarullo A. R., Bruce J., Gunnar M. R.* False belief and emotion understanding in post-institutionalized children // Social Development. 2007. Vol. 16, no. 1. P. 57–78.
- The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team. The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2008. Vol. 73, no. 3. P. 1–262. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2008.00483.x>

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2024 г.;
рекомендована к печати 27 февраля 2025 г.

Контактная информация:

- Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович — д-р психол. наук, проф.;
<https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-3532-5019>, rjm@list.ru
- Сергиенко Елена Алексеевна — д-р психол. наук, проф.;
<https://orcid.org/orcid.org/0000-0003-4068-9116>, elenas13@mail.ru
- Чернега Дарья Ивановна — канд. психол. наук, науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0001-9166-5435>, chernego@gmail.com
- Шабалина Екатерина Владимировна — канд. психол. наук, ассистент;
<https://orcid.org/0000-0002-5436-3072>, ka-terin-ka-15@ya.ru
- Кагарманов Динар Ильдарович — аспирант; <https://orcid.org/0000-0002-3097-0863>, kagdinar@gmail.com
- Пальмов Олег Игоревич — канд. психол. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0002-5837-4000>, oleg_palmov@mail.ru
- Аринцина Ирина Александровна — канд. психол. наук, доц.;
<https://orcid.org/0000-0001-5746-1287>, arinz@mail.ru

Comparative analysis of the theory of mind indicators in young children from baby homes with different social-emotional environment and biological families*

R. J. Muhamedrahimov¹, E. A. Sergienko², D. I. Chernego^{1a}, E. V. Shabalina¹, D. I. Kagarmanov¹, O. I. Palmov¹, I. A. Arintcina¹

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
13, ul. Yaroslavskaya, Moscow, 129366, Russian Federation

For citation: Muhamedrahimov R. J., Sergienko E. A., Chernego D. I., Shabalina E. V., Kagarmanov D. I., Palmov O. I., Arintcina I. A. Comparative analysis of the theory of mind indicators in young children from baby homes with different social-emotional environment and biological families. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 2, pp. 186–197. EDN FIBQBZ (In Russian)

The article presents a study of the theory of mind in young children depending of characteristics of their socio-emotional environment. The participants were children without medical and biological risk factors from three Saint Petersburg baby homes, one of which provided care as usual ($n = 49$ (21 boys) aged $M(SD) = 26.0(10.84)$ months, from 12 to 49 months); the other received training only intervention, that increased caregivers' sensitivity ($n = 45$ (23), 18.7(9.12), 11–50 months); the third had training plus structural changes intervention, that raised caregivers' sensitivity and consistency ($n = 82$ (37), 23.9(12.92), 3–50 months); and children without institutional experience from biological families ($n = 48$ (28), 27.0(10.16), 12–49 months) with mothers as primary caregivers. To assess the theory of mind in children the relevant items of the personal-social scale of the Battelle Developmental Inventory was used. Results suggested a significant difference in the theory of mind level in children within 12 to 24 months age range depending on the socio-emotional caregiving environment ($p = 0.034$) with a lower level in no intervention baby home compared with biological families ($p = 0.04$). The results of the study are discussed in connection with the influence of the environmental characteristics on the understanding of the mental world by young children, as well as in relation to the structure of the theory of mind indicators in the group of children from the socio-emotional deprivation institutional environment.

Keywords: theory of mind, young children, baby home, socio-emotional environment, deprivation, sensitivity, consistency, biological family.

References

- Cicchetti D., Rogosch F. A., Maughan A., Toth S. L., Bruce J. (2003). False belief understanding in maltreated children. *Development and Psychopathology*, 15, 1067–1091.
- Colvert E., Rutter M., Kreppner J., Beckett C., Castle J., Groothues C., Hawkins A., Stevens S., Sonuga-Barke E. J. (2008). Do theory of mind and executive function deficits underlie the adverse outcomes associated with profound early deprivation? Findings from the English and Romanian adoptees study. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 36, 1057–1068.
- Cutting A. L., Dunn J. (1999). Theory of mind, emotion understanding, language and family background: Individual differences and interrelations. *Child Development*, 70 (4), 853–865.

* The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-00626; <https://rscf.ru/en/project/22-28-00626/>.

^a Author for correspondence.

- Hughes C., Devine R. (2016). Family influences on theory of mind: a review. *Theory of Mind Development in Context*. V. Slaughter, M. de Rosnay, eds. London, Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781315749181>
- Luke N., Banerjee R. (2013). Differentiated associations between childhood maltreatment experiences and social understanding: A meta-analysis and systematic review. *Developmental Review*, 33 (1), 1–28.
- McAlister A. R., Peterson C. C. (2013). Siblings, theory of mind, and executive functioning in children aged 3–6 years: New longitudinal evidence. *Child Development*, 8, 1442–1458.
- McCall R. B., Groark C. J., Hawk B. N., Julian M. M., Merz E. C., Rosas J. M., Muhamedrahimov R. J., Pal'mov O. I., Nikiforova N. V. (2019). Early caregiver — child interaction and children's development: Lessons from the St. Petersburg — USA Orphanage Intervention Research Project. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 22 (2), 208–224. <https://doi.org/10.1007/s10567-018-0270-9>
- Muhamedrahimov R. J. (2023). Russian-American studies of children with institutionalization experience: the impact of early environment quality on children's mental health and development. *Chelovek, sub'ekt, lichnost': perspektivy psikhologicheskikh issledovanii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniya A. V. Brushlinskogo i 300-letiiu osnovaniia Rossiiskoi akademii nauk, 12–14 oktiabria 2023 g., Moskva*. D. V. Ushakov, A. L. Zhuravlev, N. E. Kharlamenkova, A. V. Makhnach, G. A. Vilenskaya, N. N. Kazymova, eds (pp. 302–307). Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian)
- Muhamedrahimov R. J., Kagarmanov D. I., Sergienko E. A. (2022a). Analysis of the theory of mind indicators in children from biological families and a baby home. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 85, 144–161. (In Russian)
- Muhamedrahimov R. J., Kagarmanov D. I., Sergienko E. A. (2022b). Analysis of the theory of mind indicators in children from different baby home social-emotional environment. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 12 (4), 398–409. (In Russian)
- Newborg J., Stock J. R., Wnek L., Guidubaldi J., Svinicki J. (1988). *Battelle Developmental Inventory*. Allen, DLM.
- Rutter M. L., Sonuga-Barke E. J., Castle J. I. (2010). Investigating the impact of early institutional deprivation on development: Background and research strategy of the English and Romanian Adoptees (ERA) study. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 75 (1), 1–20.
- Selcuk B., Brink K. A., Ekerim M., Wellman H. M. (2018). Sequence of theory-of-mind acquisition in Turkish children from diverse social backgrounds. *Infant and Child Development*, 27 (4), 1–14. <https://doi.org/10.1002/icd.2098>
- Selcuk B., Yucel N. M. (2017). The role of institutionalization in theory of mind. *Theory of Mind Development in Context*. V. Slaughter, M. de Rosnay, eds. New York, Routledge.
- Sergienko E. A. (2015). Chapter 4. Institutionalization and its consequences for the development of social cognition. *Problema sirotstva v sovremennoi Rossii: psikhologicheskii aspekt*. A. V. Makhnach, A. M. Prikhodko, N. N. Tolstykh, eds. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Press. (In Russian)
- Sergienko E. A., Ulanova A. Yu., Lebedeva E. I. (2020). *Theory of Mind: Structure and Dynamics*. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Press. (In Russian)
- Shabalina E. V., Muhamedrahimov R. J. (2022). Relationship of indicators of caregiver — child interaction with the child's age and length of stay in a baby home and foster families. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 84, 156–168. <https://doi.org/10.17223/17267080/84/9> (In Russian)
- Szpak M., Bialecka-Pickul M. (2020). Links between attachment and theory of mind in childhood: Meta-analytic review. *Social Development*, 29 (3), 653–673. <https://doi.org/10.1111/sode.12432>
- Tahiroglu D., Moses L. J., Carlson S. M., Mahy C. E., Olofson E. L., Sabbagh M. A. (2014). The Children's Social Understanding Scale: Construction and validation of a parent-report measure for assessing individual differences in children's theories of mind. *Developmental Psychology*, 50 (11), 2485–2497.
- Tarullo A. R., Bruce J., Gunnar M. R. (2007). False belief and emotion understanding in post-institutionalized children. *Social Development*, 16 (1), 57–78.
- The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team (2008). The effects of early social-emotional and relationship experience on the development of young orphanage children. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 73 (3), 1–262. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2008.00483.x>

Ulanova A. Yu. (2021). Assessment of the theory of mind: objective and subjective indicators. In: *Otchet-naia sessiia Instituta psichologii RAN*. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. March 24, 2021. Available at: <https://ipran.ru/reports2020> (accessed: 27.08.2024). (In Russian)

Received: September 8, 2024

Accepted: February 27, 2025

Authors' information:

Rifkat J. Muhamedrahimov — Dr. Sci. in Psychology, Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-3532-5019>, rjm@list.ru

Elena A. Sergienko — Dr. Sci. in Psychology, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-4068-9116>, elenas13@mail.ru

Daria I. Chernego — PhD in Psychology, Researcher; <https://orcid.org/0000-0001-9166-5435>, chernego@gmail.com

Ekaterina V. Shabalina — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-5436-3072>, ka-terin-ka-15@ya.ru

Dinar I. Kagarmanov — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0000-0002-3097-0863>, kagdinar@gmail.com

Oleg I. Palmov — PhD in Psychology, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-5837-4000>, oleg_palmov@mail.ru

Irina A. Arintcina — PhD in Psychology, Associate Professor;
<https://orcid.org/0000-0001-5746-1287>, arinz@mail.ru